

ССССС

**Кавказскій
плѣнникъ**

**Пѣсня про царя
Ивана Васильевича,
молодого опричника
и удалого купца
Калашникова**

**СОЧИНЕНІЯ
МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА**

М. ЛЕРМОНТОВЪ

Кавказскій плѣнникъ.

**Пѣсня про царя
Ивана Васильевича,
молодого опричника и
удалого купца
Калашникова.**

В оригінальній орфографії

КИЇВ

2018

ВІД РЕДАКТОРА

Видання творів Лермонтова «його оригінальною мовою» має дати читачеві унікальну можливість «подихати» його словом, почути той справжній звук, який злітав з вуст генія.

Наразі за доволі рідким виключенням твори російських класиків відаються в пореформеній орфографії 1918 року.

На думку мовознавців і поціновувачів духовного надбання, ця реформа, з погляду фонетики, привела до значних втрат.

Одним з істотних загублених звуків був той, що передавався буквою «ѣ» (ять). Історично ця буква позначала особливий голосний звук - дещо середнє між російським «е» та українським «і».

Для українця і росіянина доволі цікавою є та обставина, що, коли в українському еквіваленті стоїть «і», то дореформена орфографія майже завжди замість суцільно теперішнього російського «е» вимагає писати «ѣ». Наприклад,

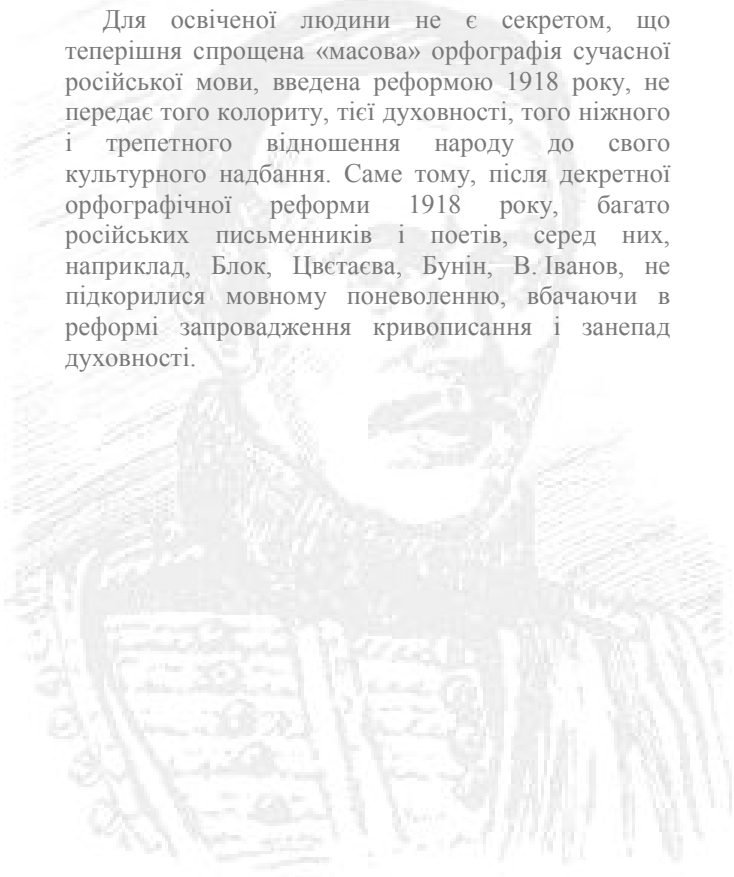
бѣгъ, бѣдный, бѣженецъ, бѣлка, вѣра, вѣсть, грѣхъ, дѣва, дѣти, змѣй, лѣто, мѣдь, нѣмецъ, повѣсть, пѣна, рѣка, свѣтъ, свѣча, смѣхъ, успѣхъ, хлѣбъ, ѣда, ѣмь.

М.В. Ломоносов писав: «...буквы Е и Ъ въ просторѣчїи едва имѣють чувствительную разность, которую въ чтенїи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ [...] въ Е дебелости, въ Ъ тонкости».

Орфографічна реформа як один з наріжних каменів нової масової культури такі «непролетарського духу» тонкощі, звичайно, відкинула.

Вона відкинула і забарвлення, що надає мові буква «ө», і той «зайвий» відтінок, який надають мові використання літер «і» та «ь» (слов'янська назва «ер» - за старих часів позначав звук, близький до сучасного ненаголошеного «о»).

Для освіченої людини не є секретом, що теперішня спрощена «масова» орфографія сучасної російської мови, введена реформою 1918 року, не передає того колориту, тієї духовності, того ніжного і трепетного відношення народу до свого культурного надбання. Саме тому, після декретної орфографічної реформи 1918 року, багато російських письменників і поетів, серед них, наприклад, Блок, Цветаєва, Бунін, В. Іванов, не підкорилися мовному поневоленню, вбачаючи в реформі запровадження кривописання і занепад духовності.

Кавказскій плѣнникъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ большомъ аулѣ, подѣ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ. - О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безопасно свой табакъ,
И дымъ, вѣясь, летитъ надъ ними...
Иль, стукнувъ шашками своими,
Пѣснь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся,
Но передъ тѣмъ какъ распаваться,
Другъ другу руку подають.

II.

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ - но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнетъ ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ.
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дола возмутитъ.

III.

Лежалъ коверъ цвѣтовъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ...
Черкешенки къ нему сбѣжались,
Водою чистой умывались,
Со смѣхомъ младости простымъ
На дно прозрачное иныя
Бросали кольца дорогія,
И къ волосамъ своимъ густымъ
Цвѣты весенніе вплетали,
Глядѣлися въ зеркало водъ,
И лица ихъ въ немъ препетали;
Сплетаясь въ тихій хороводъ,
Восточны пѣсни напѣвали;
И близъ аула, подъ горой,
Сидѣли рѣзвою толпой;
И звуки пѣсни произвольной
Ущелья вторили неволью.

IV.

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораеть,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стада
И ржанье табуновъ веселыхъ:
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! по плѣнники молодые.
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасуть уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Вспоминая то, что было,
И что не будетъ никогда;
Какъ счастье щетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...

И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердець!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ мутномъ снѣ,
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Исчезли сердца упованья!
Въ однѣхъ слезахъ, въ одномъ страданіи
Отраду зрятъ они свою.

V.

Надежды нѣтъ имъ возвратиться;
Но сердце поневоль мчится
Въ родимый край. - Они душой
Тонули въ думѣ роковой.
Но пыль взвивалась надъ холмами
Отъ стада и борзыхъ табуновъ;
Они усталыми шагами
Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вокругъ аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Впорятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка:

Пѣсня..

Какъ сильной грозюю
Сосну вдругъ согнетъ,
Пронзенный стрѣлою,
Какъ левъ зареветь:
Такъ русскій средъ бою
Предъ нашимъ падеть,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.
Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный

Внезапной борьбой,
Страшнѣй не прещещеть,
Когда вдругъ заблещеть
Кинжалъ роковой.
Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло.
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь прещить;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горестъ дня забыть...

VI.

Льетъ мѣсяцъ томное сіянье.
Черкесы храбрые не спятъ; -
У нихъ шумливое собранье:
На русскихъ нападать хотятъ.
Вокругъ осѣдланные кони;
Серебряныя блещутъ брони;
На каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ
И шашка на ремняхъ наборныхъ,
Два пистолета и арканъ,
Ружье; и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
Къ набѣгу старъ и младъ готовъ.
И слышенъ стукъ издалека;
Черкесы смотрятъ: межъ кустами
Гирей видно, ѣздока!

VII.

Онъ понуждалъ рукой могучей
Коня, припалкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучій
Младого плѣнника съ собой.
Гирей приблизился - веревкой
Былъ связанъ русский, чуть живой.
Черкесь спрыгнулъ - рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ; - но онъ
Лежалъ на камнѣ - смертный сонъ
Леталъ надъ юной головою...
Черкесы скачутъ ужъ - какъ разъ

Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бьетъ полночный часъ.

VIII.

Отъ смерти лишь изъ сожалѣнья
Младого русскаго спасли;
Его къ поварищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь.
И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горѣлъ въ щекахъ - онъ чуть дышалъ
И, смертнымъ холодомъ облитый,
Протягшись [?], на травѣ лежалъ.

IX.

Ужъ полдень, прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сіялъ въ обычной красотѣ.
Сливались съ протяжнымъ гуломъ
Стадовъ черкесскихъ по холмамъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ,
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синеву небесъ,
И оперялъ дремучій лѣсъ
Его зубчатая стремнины.
Обложенъ ступенями горъ
Расцвѣлъ узорчатый коверъ
Тамъ подъ столѣтними дубами,
Въ тѣни, окованный цѣпями,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ, склонясь къ молодой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить;
Но ахъ! утраченного счастья
Никто не могъ ужъ возвратить...
Вотъ онъ, вздохнувши, приподнялся,
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянулъ!... затрепеталъ:

Онъ съ незабытыми друзьями! -
 Онъ, вспыхнувъ, загремѣлъ цѣпами -
 Ужасный звукъ все, все сказалъ!!
 Несчастный залился слезами,
 На грудь къ товарищамъ упалъ
 И горько плакалъ и рыдалъ.

X.

Счастливъ еще: его мученья
 Друзья готовы раздѣлять
 И вмѣстѣ плакать и рыдать...
 Но кто сего ужъ утѣшенья
 Лишень въ сей жизни слезъ и бѣдъ,
 Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
 Лишень того, чѣмъ сердце льстило,
 Чѣмъ счастье издали манило -
 И если годы унесли,
 Пору цвѣтовъ искать какъ прежде
 Минутной радости въ надеждѣ, -
 Пусть не живетъ топъ на земли! [ѣ].

XI.

Такъ плѣнникъ мой съ родной страной
 Почти навѣкъ "прости!" сказалъ,
 Терзался прошлою мечтою,
 Ея мѣста воспоминалъ:
 Гдѣ онъ провелъ златую младость,
 Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
 Гдѣ много милаго любилъ,
 Гдѣ зналъ веселье и спаданья,
 Гдѣ онъ, несчастный, погубилъ
 Святыя сердца упованья...

XII.

Онъ слышалъ слово: "навсегда";
 И, обреченный тяжкой долѣ,
 Почти сдружился онъ съ неволей.
 Съ товарищами иногда
 Онъ пасъ черкесскія стада;
 Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины

Капятся съ горъ и какъ шумятъ,
Какъ лавой снѣжною блестятъ,
Какъ ими кроются долины.
Хотя цѣпями скованъ былъ,
Но часто къ Тереку ходилъ
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
Подошвы скалъ угрюмо роютъ,
Текутъ средь дебрей и лѣсовъ...
Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
Блестятъ огни сторожевые;
И какъ вокругъ нихъ казаки
Глядятъ на мутный токъ рѣки,
Склонясь на копья боевыя.
Ахъ: какъ желалъ бы тамъ онъ быть!
Но цѣпь мѣшала переплыть.

XIII.

Когда же полдень надъ главою
Горѣлъ въ лучахъ, по плѣнникъ мой
Сидѣлъ въ пещерѣ, гдѣ отъ зною
Онъ могъ сокрыться. Подъ горой
Ходили табуны. - Лежали
Въ тѣни другіе пастухи,
Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки,
Въ которой жажду утоляли...
И тамъ-то плѣнникъ мой глядитъ,
Какъ иногда орелъ летитъ,
По вѣтру крылья простираетъ,
И, видя жертвы межъ кустовъ,
Когтьми хватаетъ вдругъ - и вновь
Ихъ съ крикомъ кверху поднимаетъ...
"Такъ, думалъ онъ: я жертва та,
Котора въ пищу имъ взята".

XIV.

Смотрѣлъ онъ также, какъ кустами
Иль синей степью, по горамъ,
Сайгаки съ быстрыми ногами
По камнямъ острымъ, по кремнямъ
Летятъ, стремнины презирая...
Иль какъ олень и лань молодая,

Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,
 Со скалъ, не шевелясь, внимають -
 И вдругъ внезапно исчезаютъ,
 Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

XV.

Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
 Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою,
 Остановились. Лошадей
 Толкаютъ смѣлою ногою...
 И вдругъ, припавъ къ лукъ своей,
 Близъ береговъ они мелькаютъ:
 Стремятъ и, снова поскакавъ,
 Съ утеса падаютъ стремглавъ
 И шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
 Потомъ плывутъ, и достигаютъ
 Уже противныхъ береговъ...
 Они ужъ тамъ, и въ тѣмъ лѣсовъ
 Себя отъ казаковъ скрываютъ.
 ...Куда глядите, казаки?
 Смотрите, волны у рѣки
 Съдою пѣной забѣлѣли!
 Смотрите, враны на дубахъ
 Вострепенулись, улетѣли,
 Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!-
 Черкесы путника арканомъ
 Въ свои ущелья увлекаютъ
 И, скрытые ночнымъ туманомъ,
 Оковы смерть вамъ нанесутъ.

XVI.

И часто, отгоняя сонъ,
 Въ глухую полночь смотритъ онъ,
 Какъ иногда черкесъ чрезъ Терекъ
 Плыветъ на вѣрномъ тулукъ¹.
 Бушуютъ волны на рѣкѣ,
 Въ туманѣ виденъ дальній берегъ.
 На пнѣ предъ нимъ висятъ кругомъ

¹ Тулукъ - бурдюкъ или мѣхъ, коимъ горцы пользовались при переправахъ вплавь. (Примѣч. изъ изд. Висков.)

Его оружія стальныя:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя;
Я шашка острая, ремнемъ
Привязанна, звенитъ на нѣмъ;
Какъ почка, въ волнахъ онъ мелькаетъ:
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ...
Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ -
Бѣда безпечнымъ казакамъ!
Не зрѣтъ ужъ имъ родного Дона,
Не слышатъ колоколовъ звона!
Уже чеченецъ подъ горой,
Желѣзная кольчуга блещетъ,
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла препещетъ,
Ударъ несется роковой...
- Казакъ! казакъ!... увы, несчастный!
Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
Зачѣмъ же твой свинецъ опасный
Его такъ быстро не сразилъ?...

XVII.

Такъ плѣнникъ блѣдный мой уныло,
Хоть самъ подъ бременемъ оковъ,
Смотрѣлъ на гибель казаковъ.
Когда жъ полночное свѣтило
Восходитъ, близъ забора онъ
Лежитъ въ аулѣ. - - Тихій сонъ
Лишь рѣдко очи закрываетъ;
Съ товарищами вспоминаетъ
о милой той родной странѣ;
Груститъ, но больше чѣмъ они.
Оставивъ памъ залогъ прелестный,
Свободу, счастье, что любилъ,
Пустился онъ въ край неизвѣстный
И... все въ краю томъ погубилъ.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли прилегли.

Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя, онъ въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщаль большой заборъ...
Все спить: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?...
Вдругъ видитъ онъ передъ собою:
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVIII.

Однажды, погружась въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
Предъ нимъ колѣна преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ, какъ бы смятенный;
Но пищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ...

XX.

И долго, долго, какъ нѣмая,
Стояла дѣва молодая.
И взглядъ какъ-будто говорилъ:
"Утѣшь себя, невольникъ милый!
Еще не все ты погубилъ".
И вздохъ не тяжкій, но унылый.
Въ груди раздался молодой.
Потомъ чрезъ валъ она крутой
Домой пошла тропою мшистой,

И скрылась вдругъ въ дали пѣнистой,
 Какъ нѣкій призракъ гробовой;
 И только дѣвы покрывало
 Еще очамъ вдали мелькало.
 И долго, долго плѣнникъ мой
 Смотрѣлъ ей вслѣдъ: "Она сокрылась", -
 Подумалъ онъ:- "но почему
 Она къ неечастью моему
 Съ такою жалостью склонилась?"
 Онъ ночь всю не смыкалъ очей,
 Уснулъ за часъ лишь предъ зарей...

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
 Она и пишу приносила;
 Но плѣнникъ часто все молчалъ,
 Словамъ печальнымъ не внималъ.
 Ахъ! сердце полное волненій
 Чуждалось новыхъ впечатлѣній:
 Онъ не хотѣлъ ее любить.
 И что за радости въ чужбинѣ,
 Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
 Не могъ онъ прежнее забыть...
 Хотѣлъ онъ благодарнымъ быть,
 Но сердце жаркое терялось
 Въ его страданіи нѣмомъ
 И, какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
 Безъ отголоска поглощалось!...
 Оно и въ шумѣ, и въ тиши
 Тревожитъ сонъ его души.

XXII.

Всегда онъ, съ думою унылой,
 Въ ея блистающихъ очахъ
 Встрѣчаетъ образъ вѣчно милый;
 Въ ея привѣпливыхъ рѣчахъ
 Знакомые онъ слышитъ звуки...
 И къ призраку стремятся руки;
 Онъ вспомнилъ все - ее зоветь...
 Но вдругъ очнулся.-Ахъ! несчастный,
 Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасной:

Ужъ жизнь его не расцвѣтеть.
 Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаетъ,
 Какъ цвѣтъ прекрасный на зарѣ;
 Какъ пламень юный, потушается
 На освященномъ алтарѣ!

XXIII

Не понялъ онъ ея стремленья,
 Ея печали и волненья;
 Не думалъ онъ, чтобы она
 Изъ жалости одной пришла,
 Взглянувши на его мученья;
 Не думалъ также, чтобы любовь
 Точила сердце въ ней и кровь,-
 И въ страшномъ былъ недоумѣннѣ.
 Но въ эту ночь ее онъ ждалъ...
 Настала ночь ужъ роковая;
 И, сонъ отъ очей отгоняя,
 Въ пещерѣ плѣнникъ мой лежалъ.

XXIV.

Поднялся вѣтеръ той порою,
 Качалъ во мракѣ дерева,
 И свистъ его подобенъ вою,
 Какъ воеетъ полночью сова.
 Сквозь листья дождикъ пробирался,
 Вдали на тучахъ громъ капался;
 Блистая, молнія струей
 Пещеру темну озаряла,
 Гдѣ плѣнникъ бѣдный мой лежалъ.
 Онъ весь промокъ, и весь дрожалъ..
 Гроза по-малу утихала...
 Лишь капала вода съ деревъ;
 Кой-гдѣ потоки межъ холмовъ
 Струею мутною бѣжали
 И въ Терекъ съ брызгами впадали.
 Черкесовъ въ темномъ полѣ нѣтъ..
 И тучи врозь ужъ разбѣгають,
 И кой-гдѣ звѣздочки мелькають;
 Проглянетъ скоро лунный свѣтъ.

XXV.

И вотъ надъ нимъ луна золотая
На легкомъ облакъ всплыла,
И въ верхъ небеснаго стекла,
По сводамъ голубымъ играя,
Блестящій шаръ свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой.
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой..
Зачѣмъ же ей кинжалъ булатный?
Ужель идетъ на подвигъ ратный?
Ужель идетъ на тайный бой?...
Ахъ, нѣтъ! наполнена волненій,
Печальныхъ думъ и размышленій,
Къ пещерѣ подошла она,
И голосъ раздался извѣстный...
Очнулся плѣнникъ, какъ отъ сна,
И въ глубинѣ пещеры тѣсной
Садятся... Долго они тамъ
Не смѣли воли дать словамъ...
Вдругъ дѣва шагомъ осторожнымъ
Къ нему, вздохнувши, подошла
И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
Слова печальны начала:

XXVI.

"Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?
Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
Еще невѣсты не терялъ...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлать; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ о чемъ и ночь, и день
Я плачу, вотъ объ чемъ тоскую!..."

Забудь ее! готова я
 Съ тобой бѣжать на край вселенной!
 Забудь ее, зови меня
 Твоей подругой неизмѣнной!"
 Но плѣнникъ сердца своего
 Не могъ открыть въ тоскѣ глубокой;
 И слезы дѣвы черноокой
 Души не трогали его...
 "Такъ, русскій, ты спасенъ! но прежде
 Скажи мнѣ: жить иль умереть?
 Скажи, забыть ли о надеждѣ,
 Иль слезы эти утереть?"

XXVII.

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
 Его прелестные глаза,
 И слезы крупныя мелькнули
 На нихъ, какъ свѣтлая роса...
 "Ахъ, нѣтъ! оставь восторгъ свой нѣжный
 Спаси меня не льстись надеждой:
 Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
 Не на останкахъ славныхъ, бранныхъ,
 Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавитъ тягостная цѣпь!"
 Онъ замолчалъ. Она рыдала,
 Но ободрилась, тихо встала,
 Взяла пилу одной рукой,
 Кинжалъ другою подавала.
 И вотъ подъ острою пилою
 Скрипитъ желѣзо; распадается,
 Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
 Она его приподымаетъ,
 И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

"Да!... плѣнникъ... ты меня забудешь...
 Прости!... прости же... навсегда;
 Прости навѣкъ!... Какъ счастливъ будешь...
 Ахъ!... Вспомни обо мнѣ тогда..
 Тогда... быть-можетъ, ужъ могилой
 Желанной скрыта буду я;

Быть-можетъ... скажешь ты уныло:
 Она любила и меня!..."
 И дѣвы блѣдныя ланиты,
 Почти потухшіе глаза,
 Смущенный ликъ, тоской убитый,
 Не освѣжитъ одна слеза,-
 И только рвутся вопли муки...
 Она беретъ его за руки
 И въ поле темное спѣшитъ,
 Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились;
 Вздохнувъ, назадъ оборотились;
 Но роковой ударилъ часъ...
 Раздался выстрѣлъ-и какъ-разъ
 Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
 Но смерть изображаетъ взоръ;
 Кладетъ на сердце тихо руку...
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена,
 Безъ чувства падаетъ она;
 Какъ-будто пуля роковая
 Однимъ ударомъ, въ одинъ мигъ
 Обоихъ вдругъ сразила ихъ.

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ
 Ужъ смерть холодною рукой:
 Онъ вздохъ послѣдній выпускаетъ...
 И онъ ужъ тамъ... и кровь рѣкой
 Застыла въ жилахъ охладѣвшихъ;
 Въ его рукахъ оцѣпенѣвшихъ
 Еще кинжалъ, блестя, лежитъ;
 Въ его всѣхъ чувствахъ онѣмѣвшихъ
 Навѣки жизнь ужъ не горитъ,
 Навѣки радость не блеститъ.

XXXI.

Межъ тѣмъ черкесь съ улыбкой злобной
 Выходитъ изъ глуши деревъ,
 И, волку хищному подобный,
 Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
 Ногою гордой попираетъ
 Убитаго... Увидѣлъ онъ,
 Что тщетно потерялъ патронъ,
 И вновь чрезъ горы убѣгаетъ.

XXXII.

Но вотъ она очнупась вдругъ
 И ищетъ ппѣнника очами...
 Черкешенка! гдѣ, гдѣ пвой другъ?
 Его ужъ нѣтъ. Она слезами
 Не можетъ ужасъ выражать,
 Не можетъ крови оmyвать,
 И взоръ ея, какъ бы безумной,
 Порывъ любви изобразилъ;
 Она страдала. Вѣтеръ шумный,
 Свистя, покровъ ея клубилъ...
 Встаетъ... и скорыми шагами
 Пошла съ потупленной главой
 Черезъ поляну - за холмами
 Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ Тереку подходитъ,
 Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
 Такъ робко взоромъ вкругъ обводитъ,
 Ужасной грустію полна?
 И долго на бѣгущи волны
 Она глядитъ, и взоръ безмолвный
 Блеститъ звѣздой въ полночной тѣмѣ.
 Она на каменной скалѣ -
 "О, русский, русскій!" восклицаетъ...
 Плеснули волны при лунѣ,
 Объ берегъ брызнули онѣ!...
 И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
 Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
 Несется по глухимъ волнамъ-

Остатокъ грустный и печальный
Плыветъ, какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXIV.

Но кто убійца ихъ жестокой?
Онъ былъ съ сѣдою бородой;
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы! то былъ отецъ несчастной!
Быть-можетъ, онъ ее стубилъ,
И топъ свинецъ его опасный
Дочь вмѣстѣ съ плѣнникомъ убилъ?
Яе знаетъ онъ; она сокрылась
И съ ночи той ужъ не явилась.
Черкесь! гдѣ дочь твоя? глядишь,
Но ужъ ея не возвратишь!

XXXV.

Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ.
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый.
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ.
Узнали все. Но поздно было!
-Отецъ, убійца ты ея! [ея]
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ея вездѣ..
"Гдѣ дочь моя?" и отзвѣвъ скажетъ:
"Гдѣ?"

ПѢСНЯ
про царя
Ивана Васильевича,
молодого опричника
и удалого купца
Калашникова.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твоего любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслирный звонъ
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею пѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярина его бѣлолиця
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали-не наслушались.
Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любятъся имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божию,
Въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда

Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднести его опричникамъ.
И всѣ пили, царя славили,
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго -
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечиикомъ,
Да не вздрогнулъ и тупъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное-
И очнулся тогда добрый молодецъ.
"Тей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али слава нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяць-звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та спремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!.."
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:
"Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не заливать виномъ,
Думу черную - не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя - воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:

Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится."
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
"Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбиль на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?"
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:
"Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля острая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покачатися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную -
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодухи,
И любятся, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любится,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно-будто лебедушка,
Смотритъ сладко - какъ голубушка,
Молвитъ слово-соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,

Прозывается Аленой Дмитриевной.
Как увижу ее, я и самъ не свой;
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своею подѣлюсь теперъ?
Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На жительство на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлять по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣтается..."
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
"Ну, мой вѣрный слуга! я твоею бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вотъ возьми перстенецъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленной поклоняйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своею Аленѣ Дмитриевнѣ:
Какъ полюбишься - праздную свадьбу,
Не полюбишься - не протнѣвайся."
"Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому..."

Ай, ребята, пойте - только гусли стройте
 Ай, ребята, пейте - дѣло разумѣйте!
 Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
 И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
 Статный молодцѣ Степанъ Парамоновичъ,
 По прозванію Калашниковъ;
 Шелковые повары раскладываетъ,
 Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ
 Злато, серебро пересчитываетъ,
 Да не добрый день задался ему:
 Ходятъ мимо баре богатые,
 Въ его лавочку не заглядываютъ.
 Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
 За Кремлемъ горитъ заря туманная,
 Набѣгаютъ тучки на небо -
 Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
 Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
 Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
 Свою лавочку дверью дубовою
 Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
 Злого пса-ворчуна зубастаго
 На желѣзную цѣпь привязываетъ.
 И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
 Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
 И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
 И дивится Степанъ Парамоновичъ:
 Не встрѣчаетъ его молода жена,
 Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скапертью,
 А свѣча передъ образомъ еле теплится.
 И кличетъ онъ старую работницу:
 "Ты скажи, скажи, Еремѣвна,
 А куда дѣвалась, затаилася
 Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
 А что дѣтки мои любезныя -
 Чай забѣгались, заигрались,
 Спозаранку спать уложились?"
 "Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!

Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитриевна;
Вотъ уже попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,
А по сю пору твоя хозяйюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли -
Плачемъ плачутъ, все не понимаютъ."
И смутился тогда душой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
А онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу -
И на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, распилается,
Заметаешь слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ снѣгахъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги поропливые;
Обернулся, глядитъ - сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя,
Снѣгомъ - инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
"Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что расстрепаны твои волосы,
Что одежда вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пиновала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запрю я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила..."
И, услышавъ то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,

Въ ноги мужа повалилася.
"Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи - будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюся твоей немилости.
Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинешенка.
И слышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася-человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
- Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣвичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной. -
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
И цѣлуя, все приговаривалъ:
- Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!-
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперъ горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются .
Поцѣлуй его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...
Какъ изъ рукъ его я рванулася

И домой спремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ - твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную...
И что скажутъ злыя сосѣдушки ?
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ-охульникомъ въ поруганіи
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить спану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти,
А меньшей мой братъ - дитя малое,
Дитя малое, неразумное..."
Говорила такъ Алена Дмитревна;
Горючими слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
"Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?"
"Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уже какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ!
А побѣетъ онъ меня - выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробѣйте, братцы любезные!
 Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
 На васъ меньше грѣховъ накопилось;
 Такъ авось Господь васъ помилуетъ!"
 И въ отвѣтъ ему братья молвили:
 "Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
 Туда мчатся и тучки послушныя;
 Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
 На кровавую долину побоища,
 Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
 Къ нему малые орлята слетаются:
 Ты намъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
 Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
 А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!"

* * *

Ай, ребята, пойте - только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте - дѣло разумѣйте!
 Ужъ попѣшьте вы добраго боярина
 И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
 Надъ стѣнной кремлевской бѣлокаменной,
 Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
 По песовымъ кровелькамъ играючи,
 Тучки сѣрыя разгоняючи,
 Заря алая подымается;
 Разметала кудри золотистыя,
 Умывается снѣгами разсыпчатыми;
 Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
 Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
 Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
 На какой ты радости разыгралася?
 Какъ сходилися, собиралися
 Удалые бойцы московскіе
 На Москву-рѣку, на кулачный бой,
 Разгуляться для праздника, попѣшиться,
 И пріѣхалъ царь со дружиною,
 Со боярами и опричниками.
 И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,

Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять сажень
Для охотническаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
"Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!"
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подперши въ бокъ рукою правую,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали -
Ни одинъ боецъ и не пронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
"Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку."
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны -
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквямъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
"А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,

Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить.
Чтобы было чѣмъ похвастаться."
Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
"А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!"
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередъ груди -
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева;
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
"Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!"
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою о
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слетка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сѣромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привести его предъ лицомъ свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
"Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?"
"Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что-не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить - и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишъ малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью..."
"Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я попоръ велю напочить-навостричь,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью..."

Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую...
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахъ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, наостреннымъ,
Руки голая потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается;
А лихой боець, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
"Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алень Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣвушкамъ не сказывать,
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ поварицамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!"
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безпаланная
Во крови на плаху покатила
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человекъ - перекрестится,
Пройдетъ молодець - приосанится,
Пройдетъ дѣвица - пригорюнится,
А пройдутъ гусяры - споютъ пѣсенку -

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,

Голоса заливные!
Красно начинали - красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте;
Тароватому боярину слава!
И красавиць-боярынъ слава!
И всему народу христіанскому слава!

М. Лермонтовъ

Кавказскій плѣнникъ.

**Пѣсня про царя Ивана Васильевича,
молодого опричника и удалого купца
Калашникова.**

Київ, 2018. Електронна книжка

За редакцією М. Терлецького
21 січня 2018 р.

ЗМІСТ

ВІД РЕДАКТОРА.....	1
Кавказскій плѣнникъ.....	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	12
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.	20